

Алла УМАНСКАЯ

На самом деле никакой дачи у Эмиля Кио нет. Просто последние годы наш маг творит чудеса в Японии. Он живет и работает на японском острове-курорте Хоккайдо. Импресарио Эмиля Кио, владелец девяти отелей в горах Хоккайдо, говорит: «Кио-сан, считайте, что наш отель — ваша дача».

Народному артисту России Эмилю Эмильевичу Кио исполнилось 60 лет. Экзотика — экзотикой, но свой юбилей знаменитый иллюзионист предпочел встретить в российской столице, предварив его двухмесячным выступлением в Санкт-Петербурге.

— Эмиль Эмильевич, стоял ли перед вами в юности вопрос выбора профессии?

— Я родился в семье циркового артиста-иллюзиониста и с детства

года, потом надо хоть на день покинуть страну. Два месяца мы работаем в варьете на Хоккайдо, оставшись четыре — на главном острове Хонсю, где выступаем на самых крупных площадках страны. Другую половину года мы проводим в Москве, проедаем то, что заработали в Японии.

Сейчас мой импресарио сделал дубль-реквизиты, так что свои я привез в Россию, и мы смогли два месяца выступать в Санкт-Петербурге, в цирке на Фонтанке. Для меня было очень символично провести юбилейные гастроли именно в цирке на Фонтанке. В 1966 году директор Алексей Сонин, который и сейчас возглавляет этот цирк, не побоялся пригласить меня, молодого, еще неопытного артиста.

— Вы сразу раскрываете секреты других иллюзионистов?

тистам, медали, звания присваивать.

— Как создаются ваши новые номера? Как на месте старого фокуса возникают новые?

— Что-то можно услышать, что-то можно увидеть. Однажды на вокзале папа обратил внимание, как на электрокаре возили багаж. Ему запало это, он сделал такой номер: вывозят «троллей-кар», на нем стоят два человека и держат прозрачное стекло. На стекло садится девушка, ее накрывают покрывалом. «Троллей-кар» делал круг по манежу, покрывало сбрасывали, и девушка исчезала. На толкнуло отца на этот номер простое наблюдение. У меня тоже так появился номер «Необычный автомобиль». Как-то мы ехали по Москве, в «Москвиче» нас было человек девять. Около «Пекина» нас остановил милиционер — не включен был подфарник-малгалка. Когда начали вылезать лю-

учился. Это папа хотел, чтобы мы играли. Сам он не владел музыкальными инструментами. Папа вообще хотел, чтобы дети умели то, что он не умеет. Я дошел до того, что умел играть «Дунайские волны», а Игорь — песню «Одинокая бродит гармонь». Как-то пришел к нам в гости композитор Табачников, и папа решил похвастаться, как его дети умеют играть. Я сыграл «Дунайские волны», Игорь сыграл «Одинокую...». Табачников от концерта сильно заскучал. Потом спросил: «И сколько ты за это заплатил?». Папа посчитал, назвал сумму. Табачников сказал: «За эти деньги ты мог пригласить Рихтера, он бы тебе месяц играл».

— У вашей жены есть самостоятельные номера или она только у вас в номере?

— Иоланта — седьмое поколение цирковых артистов Ольховиковых. Дядя ее был знаменитый жонглер на лошади Николай Ольховиков, народный артист СССР. Мама Иоланты дрессировщица, впервые в мире поставила номер «собачий футбол». Дедушка был руководителем акробатического номера «Русская тройка». Иоланта выступает и в моих номерах, и самостоятельно. У нее единственный в системе номер с попугаями. У других есть попугаи, но для украшения, как красивые птицы. А у нее они работают. Есть трюк, когда попугаи сидят на колечках, она стоит на площадке, птицам дают в клювы ленточки, и они поднимают Илону в воздух.

— Животные вас не отвлекают?

— Нет, что вы, это очень эффектно. У нас даже утки были. Сейчас в Японии в ресторанах, к сожалению, не разрешают работать с животными. Только на манеже. Но тоже не без строгостей. Недавно японцы льва застрелили. А было так. Он просто вышел из клетки, служители не досмотрели, ночь походил, пошел утром ко двору. Японцы увидели, вызвали полицию. Та приехала со свистками, трещотками. Лев испугался, прыгнул куда-то за кусты, а за кустами был рабочий поселок. У полиции не было пуль, которые усыпляют. Лев был убит. Потом по нему была панихида. Приходили письма от детей: «Лев приехал нас развлекать, а его убили». Когда его кремировали, пепел опустили в море, а японские дети долго потом приносили цветы в его опустевшую клетку.

— Вы сказали, что у вас с братом Игорем разные мамы. Расскажите про свою, пожалуйста.

— Моя мама — Коша Александровна. По-осетински Кошерхан Тоховна. Мама была из села, там все Барукаевы родственниками считаются. Она работала в осетинском театре, там познакомилась с папой, когда он был на гастролях. Я тоже родился

живу в необычном мире, где все не так, где люди ходят не на ногах, а на руках, летают в воздухе, переворачиваются через голову. Папа показывал чудеса, и мне хотелось делать то же, что и он, удивлять зрителей. В школе я участвовал в самодеятельности и показывал фокусы своим товарищам. В цирк попал не сразу. Папа считал, что каждый нормальный человек должен иметь высшее образование. Да, тогда это было престижно. Он говорил: «Ты обязательно закончи институт, а потом иди работать, куда хочешь, хоть дворником». Циркового отделения в ГИТИСе тогда еще не было, и в 1955 году я поступил... в МИСИ — Московский инженерно-строительный институт.

Технический институт я выбрал сознательно — для того, чтобы потом полученные знания помогали мне при создании иллюзионной аппаратуры. Действительно, так оно и получилось. Как-то папа был на гастролях в Англии. Зашел в иллюзионный магазин. Посмотрел каталог всех известных фокусов и увидел там трюк, когда фокусник брал мягкий канат, бросал его в воздух, тот становился твердым шестом, по которому гимнаст лез вверх. Когда гимнаст спускался вниз, шест становился мягким канатом. И там была приписка, что этот трюк никогда не исполнялся и исполняться никем не будет. Отца это раззадорило. Он приехал домой и решил сделать этот номер. Никто не мог придумать, из какого материала сделать канат, чтобы он выдержал вес гимнастов. Тогда я изучал сопротивление материалов. Зная вес гимнаста, определил те нагрузки, которые материал испытывает. Потом просто подобрал нужный материал и сказал: «Надо сделать из такого материала». И когда канат сделали, номер пошел. До сих пор он сохранился и у меня, и у брата Игоря.

— Так вам и не пришлось поработать по специальности?

— Я проработал в СУ-37 мастером в тресте набережных и мостов. Все-таки учился не напрасно. Мой дипломный проект был осуществлен в натуре. Он назывался «Реконструкция, благоустройство, планировка и озеленение Театральной площади в Рязани». Моя работа участвовала в конкурсе и заняла первое место. Так что в Рязани Театральная площадь — моя.

— Лето заканчивается, и самое время поговорить о предстоящем «дачном сезоне» в Стране Восходящего Солнца. Когда он начинается и сколько продолжается?

— У нас длительный контракт в Японии. Мой импресарио — японец, я с ним знаком с 1970 года, когда первый раз выступал в Японии. Нас пригласил еще его папа — Хома-сан. Сейчас сын продолжает его дело. В 1992 году он пригласил нас на три месяца, как обычно цирковых артистов приглашают. А потом предложил остаться, попробовать поработать в варьете. Поработали еще три месяца и заключили контракт на пять лет. В 1992 году мы последний раз работали в Московском цирке на Цветном бульваре и уехали в Японию на гастроли. В России я не выступал пять лет по той простой причине, что наш реквизит — это 10 ящиков по 20 тонн каждый. Иностранные граждане могут проживать в Японии только пол-

Фото Александра ВОРОБЬЕВА

Эмиля Кио

— Секреты — да, естественно. Я могу не видеть манипуляторов, которые показывают фокусы, связанные с ловкостью рук. В микромагии я могу что-то не знать, а крупные трюки все вижу. И своими охотно делюсь. Много лет я вел в журнале «Юный техник» страничку «По ту сторону фокуса», описывал свои трюки, чтобы ребята-читатели могли сами некоторые подготовить.

— Вы возглавляете Союз цирковых деятелей России. Расскажите о его деятельности.

— И отечественный цирк заслужил свой творческий союз. Мы его создали, когда закончилась перестройка. Сравните: когда в 1938 году родился Союз композиторов, государство выделило 500 миллионов рублей, помещения, санатории. Мы создавали свой творческий Союз на голом месте. Хотели построить дом. Нам даже дали напротив цирка на Цветном бульваре участок. Денег у нас не было. Мы нашли тех, кто нам помог бы. Сговорились помочь югославы. В то время так случилось, что югославы не могли сюда деньги привезти, потому что было эмбарго. Этот участок у нас забрали.

По возможности союз помогает артистам. Выходим с просьбами в правительство. У нас 10 человек получают Президентскую пенсию. Учащиеся циркового училища получают стипендию. Цирк всегда завоевывал право называться искусством. В последнее время его признали искусством. Стали вручать ордена ар-

тистам, медали, звания присваивать.

— Как создаются ваши новые номера? Как на месте старого фокуса возникают новые?

— Что-то можно услышать, что-то можно увидеть. Однажды на вокзале папа обратил внимание, как на электрокаре возили багаж. Ему запало это, он сделал такой номер: вывозят «троллей-кар», на нем стоят два человека и держат прозрачное стекло. На стекло садится девушка, ее накрывают покрывалом. «Троллей-кар» делал круг по манежу, покрывало сбрасывали, и девушка исчезала. На толкнуло отца на этот номер простое наблюдение. У меня тоже так появился номер «Необычный автомобиль». Как-то мы ехали по Москве, в «Москвиче» нас было человек девять. Около «Пекина» нас остановил милиционер — не включен был подфарник-малгалка. Когда начали вылезать лю-

ди, он говорит: «Ой, как вас много!».

С нами был Юра Никулин, он тогда еще не был ни народным артистом, ни заслуженным. Но известность уже была: только что снялся в фильме «Ко мне, Мухтар!». И он сказал милиционеру: «Если ты нас не отпустишь, я тебе кланюсь, больше роли милиционеров я играть не буду». Тот нас отпустил. Мы — девять человек — сели в машину и уехали. Я запомнил удивление милиционера. И сейчас в моей машине оказываются не девять человек, а восемнадцать. Машина делает круги по манежу, и с каждым разом из нее выходят все новые и новые девушки, потом клоун и я. Количество «пассажиров» в моем номере будет увеличиваться. Хочу довести до 21 — будет «очко». Недавно Светлана Врагова, режиссер театра «Модерн», поставила пьесу Мрожека «Счастливая случайность». В нем много цирковых элементов. В спектакле есть один мой небольшой фокус. Получилась «иллюзия на батуте». Такого еще не было.

— Кто подбирает музыку к вашему шоу?

— В 1968 году мы работали в Харькове, и там познакомилась с главным дирижером Харьковского цирка Владимиром Михайловым, который 20 лет писал для нас музыку. Сейчас мы взяли мелодии Гершвина и работаем под фонограмму. Гершвин — это выбор жены. У меня нет своих пристрастий в музыке. В детстве десять лет учился играть на рояле. Это мне отбило всю охоту к музыке. И Игорь

в Орджоникидзе, и по паспорту я осетин. Первое звание у меня было — заслуженный артист Северо-Осетинской АССР. Это было еще в 1969 году. Потом я раза два бывал в родном городе.

— Вы больше чувствуете себя психологом, гипнотизером или артистом?

— Я считаю, в нашей профессии главное — артистизм. И для отца это было главное. Но, знаете, интересно, в Санкт-Петербурге сейчас мне выдали аттестат профессора Академии медико-социального управления и предложили, чтобы я открыл кафедру и учил иллюзионному искусству всех желающих.

— В вашей фамилии звучит что-то волшебное и загадочно восточное...

— В паспорте у меня двойная фамилия: Ренард-Кио. Это от папы пошло. Когда он начинал творческую деятельность, артисты брали себе непонятные иностранные фамилии. Он посчитал, что его собственная фамилия Ренард недостаточно театральная, недостаточно рекламная. И вот как-то они вечером шли с приятелями после представления домой. И жена одного из приятелей воскликнула: «Вот как здорово: и коротко, и загадочно! Чем тебе не псевдоним!». Они подходили к дому, на котором горели три неоновые буквы «КИО». Оказалось, что это был кинотеатр, а в слове «кино» не горела буква «н». С тех пор мы все Кио.